

ПЕРЕД СУДОМ СОВЕСТИ

Спектакль «Четвертый»
в Большом драматическом
театре имени М. Горького

Человек принял решение. За это решение, быть может, ему придется расплатиться самой высокой мерой. А он — преуспевающий американский журналист, далеко не герой, хотя за его плечами работа корреспондента в республиканской Испании, бои с гитлеровскими фашистами, побег из немецкого концлагеря. Однако эти славные страницы биографии давно зачеркнуты. Он предал и идеалы гордой юности, и память друзей, и любимую женщину. Страх прослыть «нелояльным» и жажда преуспеяния подчинили себе все его поступки. Но внезапно он оказался перед необходимостью предупредить мир о готовящейся провокации новой военной катастрофы. В смятении перед судом своего честного прошлого он подавляет унижительную боязнь за собственную шкуру.

В пьесе К. Симонова «Четвертый» политическая, гражданская тема органично сливается с морально-нравственной. Случай из жизни применившегося было к подлости среднего американца вырастает в проблему ответственности человека за свои поступки и за все происходящее вокруг. Характерно, что в списке действующих лиц главный герой не имеет имени. Это акцентирует обобщающий смысл его образа и его судьбы. Подчеркнутая условность композиционного приема (наплывы, возвраты в прошлое, внутренний монолог в дикторском тексте), который в иных пьесах выглядит претенциозным, здесь воспринимается как естественная и емкая форма драматического поединка героя с совестью.

Каждый рано или поздно обязан ответить за содеянное и перед самим собой и перед лицом всего мира. Эта мысль лежит в основе спектакля «Четвертый», показанного Большим драматическим театром имени М. Горького (режиссер — Р. Агамирзян, художник — В. Степанов, художественный руководитель постановки — Г. Товстоногов). Не случайно создатели спектакля выносят действие как бы на простор Вселенной. В глубине сцены вместо задней стены обыкновенной комнаты, предусмотренной ремаркой автора, постановщики и художник дают голубой простор неба, а на его фоне возникает в начале и в конце спектакля силуэт человека. Сцена распахнута и вглубь, и вширь, и в высоту. Зрительный образ спектакля, в котором главная мысль пьесы укрупнена до символа, свободен от подробностей быта. В световой проекции проплывают однообразные контуры небоскребов, реклам, итальянский берег, море, опоясанный колючей проволокой забор концлагеря. Скупые детали намеком обозначают место действия, передавая эмоциональную настроенность картины: тревожно мигает глаз светофора на аэродроме, казенная канцелярская лампа нависла над редакторским столом, как крышка гроба.

Укрупненность общего образного видения сочетается в спектакле с пристальным вниманием к внутреннему миру человека. Не случайно герой спектакля так часто оказывается у края рамп, приближенным к зрительному залу, и в луче прожектора отчетливо проступают его лицо, глаза, а за ними интенсивная жизнь сердца и мысли, творящих неумолимый суд.

Театр предельно заострил драматический конфликт пьесы в эпизодах этого суда, наплывами запечатлевших этапы нравственного падения героя, цепь его предательств и сделок с совестью. Всё в решении этих наплывов — их ритмический строй, световые и музыкальные акценты — создает приподнятую эмо-

циональную настроенность, подчеркивая значительность происходящего. Откуда-то издали доносится настораживающая музыкальная фраза. Из темноты на низком помосте появляются, как неподкупные свидетели и судьи, персонажи прошлого — они вызваны встревоженным воображением героя. В них олицетворяется его совесть. У Симонова их появление обставлено более обыденно. Театр привнес напряженную торжественность в атмосферу их прихода. Но каждый из них показан в спектакле как реальный человек, а не как таинственная тень прошлого.

С каждым эпизодом растет счет проступков против чести, человеческого достоинства, дружбы, любви. Все больший накал обретает внутренний конфликт, все трагичнее становится сценическая атмосфера, все тревожнее музыка и ритм, действия. И вот, наконец, кульминация и просветляющий перелом. Память героя воскрешает последнее решавшее показание. Немецкий концлагерь. В сероватой мгле измученные люди с землистыми лицами. Они неподвижны, но каждый из них живет скрытым напряженным ритмом. Среди них — трое, его боевые друзья, члены его экипажа. Сейчас они пойдут на смерть, чтобы остались жить остальные.

— Возьмите меня четвертым, — в непреодолимом порыве кинулся он к ним. Не берут: четвертый им сейчас не нужен.

— Мне будет совестно жить.

— А ты живи так, чтобы тебе не было совестно.

Короткое суровое прощание. Последняя затычка табака. Песня. Она сопровождала их всегда. И сейчас, перед лицом смерти, они не расстаются с нею. Простая солдатская песня, лейтмотив спектакля — бодрый ритм и грустные слова. Ушли... И сразу — выстрелы, вой сирен, нарастающая звуковая какофония — трое выполнили свой долг... Потрясенный этим воспоминанием, герой не в силах больше лгать, изворачиваться, искать оправдания. Он тоже выполнит свой долг, еще не поздно — он пойдет четвертым...

В спектакле утверждается театральность в самом современном смысле этого слова. Он восхищает графической четкой формой, выверенностью внутренних ритмов, экспрессией мизансцен, филигранной музыкальной и световой партитурой. Но ведущий голос в этом стройном ансамбле выразительных средств театра принадлежит актеру. И здесь залог новой творческой победы коллектива. Пусть не все участники спектакля достигают равной искренности и глубины в прорисовке человеческих характеров. Но главная тема пьесы и спектакля, тема нравственной ответственности каждого, раскрыта актерами во всем ее богатстве.

— Ответственность не всегда падает на плечи самого честного, самого умного, самого сильного. Бывает, что она падает на слабые плечи, — говорит один из персонажей пьесы. Центральный герой спектакля — его играет В. Стрельчик — невысокий, очень обычный и далеко не атлетического сложения человек, конечно, не борец. Преуспеивание не принесло ему ни силы, ни счастья, ни уверенности в себе. Эта мысль — исходная в сценической трактовке образа. В том, как герой Стрельчика реагирует на обращенное к нему требование разоблачить американскую воен-

ную разведку, как просит помощи у любимой, в его пугливой оглядке, нервозности, в самом его смятении и жажде оправдаться есть что-то усталое, снившее, затравленное. Мучительно труден его путь к духовному возрождению. В отчаянии и тоске падает он ничком, плачет, сжимая фотографию, где он и его товарищи сняты вчетвером. Вчетвером перед последним полетом. Тогда они были вчетвером. Он идет на зов нравственного долга, не скрывая страха, измученный, со слабой улыбкой. И хочется верить, что он не отступит в последнюю минуту, — слишком искренне и глубоко выстрадаана им эта победа.

Исход внутренней борьбы героя ожидается в спектакле с тем большим волнением, чем достойнее оказываются его судьи. Вот они появляются на сцене — три ладных парня в своих потрепанных, видавших виды комбинезонах. И с первого появления они завоевывают абсолютное доверие, покорают безоговорочно. И Дик (артист П. Гай), волевой, с открытым и добрым взглядом, красивый суровой мужественной красотой, — такие всегда оказываются вожаками, и второй пилот (артист В. Кузнецов), рыжий здоровяк, грубоватый и прямолинейный, и штурман (артист Б. Рыжухин), среди троих самый мудрый, мягкий, выдержанный, — все они прекрасны в своей скромности и моральной чистоте. Прекрасна их мужская дружба, скупость в выражении сердечных чувств, простота, с которой они отдают свои жизни ради товарищей. Их бескомпромиссность человека и естественна. Они — обыкновенные люди, и потому так действен их нравственный пример, так справедливы их суд.

Именно потому такое страстное сочувствие вызывают несхожие судьбы солдата иностранного легиона Бонара и итальянского рабочего Гвичарди, что артисты П. Луспекаев и С. Юрский наделили их вполне реальными и узнаваемыми человеческими характеристиками, воссозданными с предельным лаконизмом и безупречным чувством жизненной правды. Их гибель рождает протест против социального устройства, где нет места элементарной человеческой порядочности, где благополучие покупается ценой предательства, где процветают бездушные дельцы, вроде газетного босса Чарльза Говарда с его механической улыбкой и пустыми глазами (артист К. Лавров) и его откормленной наглой сестрицы (артистка Н. Ольхина). И пусть еще трудно приходится честным и смелым, пусть погибли бесстрашный американский коммунист Бен Кроу (артист Г. Семенов), благородный борец за мир пастор Вандеккер (артист С. Карнович-Валуа), пусть попорно чувство прямой, великодушной, исполненной внутреннего изящества Кэтрин (артистка И. Кондратьева), — правда и справедливость все настойчивее отвоевывают свои позиции.

Этот волнующий, темпераментный спектакль — достойный подарок театра XXII съезду партии. Он клеймит миропорядок, основанный на страхе, эгоизме и своекорыстии, вызывает к совести простого человека и утверждает веру в конечную победу высоких гражданских и этических идеалов.

Н. РАБИНЯНЦ

На снимке: Он — заслуженный артист РСФСР В. И. Стрельчик, Женщина, на которой он женился, — заслуженная артистка РСФСР Н. А. Ольхина.

Фото М. Блохина (ЛенТАСС)

